

УДК 347.51:004.8(574)

МРНТИ 10.27.45

DOI: <https://doi.org/10.37788/2026-2/120-128>А.А. Елеуов^{1*}, Г.Б.Телеуев¹¹Инновационный Евразийский университет, Казахстан

*(e-mail: aleksei.eleuov@mail.ru)

Гражданско-правовые механизмы возмещения вреда, причиненного с применением технологий искусственного интеллекта: сравнительно-правовое исследование

Аннотация

Основная проблема: Стремительное внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в Республике Казахстан обнажило проблему неэффективности классических институтов деликтного права. Бланкетные нормы нового Закона РК «Об искусственном интеллекте» отсылают к Гражданскому кодексу, который концептуально не адаптирован к специфике алгоритмической непрозрачности.

Цель: Комплексный анализ гражданско-правовых механизмов возмещения вреда, причиненного ИИ в Казахстане, выявление нормативных пробелов и разработка предложений по модернизации национального законодательства на основе сравнительного анализа с европейским опытом.

Методы: В работе применены формально-догматический (анализ норм ГК РК и Закона об ИИ), сравнительно-правовой (сопоставление с EU AI Act) методы, а также метод правового моделирования гипотетических сценариев причинения алгоритмического вреда.

Результаты и их значимость: Установлено, что Казахстан закрепил инструментальный подход к ИИ. Доказана малая эффективность генерального деликта (ст. 917 ГК РК) для виртуальных алгоритмов и ограниченность применения нормы об источнике повышенной опасности (ст. 931 ГК РК) исключительно киберфизическими системами. Выявлены риски системной дискриминации из-за отсутствия независимого аудита алгоритмов и узкого перечня запрещенных практик.

Практическая ценность заключается в обосновании необходимости внедрения в ГК РК презумпции алгоритмической вины разработчиков высокорисковых систем ИИ. Предложенные механизмы обязательного страхования и использования административной преюдиции обеспечат баланс между стимулированием цифровых инноваций и защитой прав граждан.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гражданское право, возмещение вреда, деликтная ответственность, источник повышенной опасности, Закон об искусственном интеллекте, сравнительно-правовое исследование, алгоритмическая подотчетность, законодательство Казахстана, EU AI Act.

Введение

Четвертая промышленная революция и стремительная цифровая трансформация глобальной экономики актуализировали проблематику интеграции интеллектуальных вычислительных систем в ткань общественных отношений. Технологии искусственного интеллекта (ИИ), эволюционировав от узкоспециализированных алгоритмов до генеративных нейронных сетей и автономных киберфизических комплексов, стали неотъемлемым элементом критической инфраструктуры, медицины, транспорта и государственного управления. В Республике Казахстан, провозгласившей курс на форсированное построение цифрового государства, ИИ активно внедряется на всех уровнях: от использования беспилотных летательных аппаратов в агропромышленном комплексе Восточного Казахстана до тестирования алгоритмов при подготовке проектов судебных решений по гражданским делам.

Однако, несмотря на прогрессивность нового Закона, вопросы возмещения вреда в нем концептуально не детализированы. В частности, статья 24 Закона РК «Об искусственном интеллекте» является бланкетной нормой, лаконично устанавливающей, что компенсация ущерба, причиненного системами ИИ, осуществляется в порядке, предусмотренном гражданским законодательством Республики Казахстан. В связи с тем, что в сам Гражданский

кодекс специфические изменения относительно ИИ внесены не были, бремя разрешения деликтных споров ложится на классические институты обязательственного права [1].

Данное обстоятельство актуализирует необходимость глубокого научного поиска и доктринального осмысления применимости существующих гражданско-правовых конструкций к новым технологическим реалиям. В условиях глобализации технологических стандартов исследование не может ограничиваться рамками национальной юрисдикции. Модель регулирования, принятая в Казахстане, концептуально опирается на европейский опыт – в частности, на Европейский акт об искусственном интеллекте (Regulation (EU) 2024/1689, EU AI Act), однако имеет существенные институциональные девиации, продиктованные приоритетом развития государственно-частного партнерства и национальной платформенной инфраструктуры.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ гражданско-правовых механизмов возмещения вреда, причиненного системами искусственного интеллекта по законодательству Республики Казахстан, выявление нормативных пробелов в условиях риск-ориентированного подхода и разработка предложений по модернизации национального деликтного права на основе сравнительно-правового анализа с европейскими стандартами алгоритмической подотчетности.

Материалы и методы

Достижение поставленной цели обусловило необходимость применения комплексного методологического инструментария, базирующегося на сочетании общенаучных (диалектический, системный, логический) и частнонаучных юридических методов познания. Междисциплинарный характер проблемы, находящейся на стыке теории гражданского права, информационных технологий и деликтной ответственности, потребовал синергии различных подходов.

Фундаментальным методом исследования выступил формально-догматический (юридико-технический) анализ. В рамках данного метода подвергнуты скрупулезному изучению положения Особенной части Гражданского кодекса Республики Казахстан (Глава 47 «Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда»), в особенности статья 917 (Общие основания ответственности за причинение вреда) и статья 931 (Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих). Данный метод также применялся при деконструкции правовых норм Закона Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 230-VIII «Об искусственном интеллекте», а именно статей 1, 4, 9, 17, 23, 24 и положений главы 5 (статьи 25-27), регулирующих правовой режим Национальной платформы ИИ. Формально-догматический анализ позволил выявить корреляции между вновь введенными дефинициями и традиционными институтами гражданского права.

Особое место в архитектуре исследования занимает сравнительно-правовой (компаративистский) метод. Он применялся для сопоставления концептуальных и регуляторных подходов, закрепленных в казахстанском Законе об ИИ 2025 года, с положениями Европейского акта об искусственном интеллекте (EU AI Act). Сравнительный анализ осуществлялся по следующим ключевым векторам: дефиниция искусственного интеллекта, категоризация систем по уровням риска (минимальный, средний, высокий), формирование списков запрещенных практик (prohibited practices), распределение бремени доказывания и институциональный дизайн надзорных органов.

Метод правового моделирования (legal modeling) применялся для оценки жизнеспособности различных доктринальных теорий в казахстанских реалиях. В частности, моделировались гипотетические сценарии причинения вреда автономными системами для тестирования концепции «электронного лица» (electronic personhood) и оценки эффективности применения к ним правил об источнике повышенной опасности.

Теоретическую и эмпирическую основу статьи составили научные публикации в ведущих правовых журналах (в том числе изданиях, индексируемых в международных базах данных, таких как Access to Justice in Eastern Europe – AJEE [2]), аналитические отчеты профильных организаций (Евразийский цифровой фонд [3], ICNL [4], Roedl), а также актуальные комментарии экспертного сообщества по вопросам деликтной ответственности и цифрового права за период 2020–2026 годов.

Результаты

1. Догматический статус искусственного интеллекта: субъект или инструмент?

Первоочередной задачей при конструировании модели деликтной ответственности является определение правовой природы причинителя вреда. В глобальной академической доктрине на протяжении последнего десятилетия велась ожесточенная дискуссия относительно возможности наделения продвинутых систем ИИ правосубъектностью. Сторонники радикального подхода (в частности, исследователи, анализирующие проблемы гражданского права в рамках концепций «электронного лица») аргументировали, что высокая степень автономности нейросетей исключает возможность применения к ним традиционных форм ответственности разработчиков.

Однако результаты анализа новейшего законодательства Республики Казахстан свидетельствуют об однозначном догматическом выборе государства. Закон РК «Об искусственном интеллекте» от 17 ноября 2025 года безапелляционно закрепляет инструментальный подход к правовой природе ИИ. В соответствии со статьей 1 Закона, искусственный интеллект определяется как функциональная способность имитировать когнитивные функции, характерные для человека, производя результаты, сопоставимые или превосходящие результаты человеческой интеллектуальной деятельности.

Ключевым маркером, определяющим объектный статус ИИ, выступает статья 9 Закона, провозглашающая «Приоритет благополучия человека, свободы воли в принятии им решений». Норма императивно устанавливает, что человек, его жизнь, права и свободы рассматриваются как высшая ценность в процессах создания и эксплуатации систем ИИ, а при их эксплуатации должно быть обеспечено сохранение автономии и свободы воли человека в принятии решений. В экспертном сообществе подчеркивается, что отныне ИИ официально признается в Казахстане исключительно как инструмент, объект информатизации, созданный для достижения специфических задач человека [3].

Данный подход находит свое абсолютное воплощение в нормах, регулирующих интеллектуальную собственность. Согласно статье 23 Закона об ИИ, произведения, созданные с использованием систем ИИ, охраняются авторским правом только в случае наличия творческого вклада человека в их создание. Законодатель окончательно отверг модель, при которой ИИ мог бы рассматриваться как автор, сместив фокус правовой охраны на текстовые запросы (промпты), направляемые человеком в систему.

С точки зрения деликтного права, отказ от концепции «электронного лица» означает, что ИИ не может самостоятельно нести имущественную ответственность. Следовательно, субъектный состав обязательств вследствие причинения вреда (деликтных обязательств) в сфере ИИ всегда остается классическим: причинителем вреда признается физическое или юридическое лицо, находящееся в статусе разработчика (провайдера), владельца, оператора или пользователя системы.

2. Применимость общего деликта (статья 917 ГК РК) и проблема причинности

Ввиду отсутствия в Гражданском кодексе специализированных норм об ИИ, базисным основанием для возмещения вреда выступает генеральный деликт, закрепленный в статье 917 ГК РК. Согласно данной норме, вред (имущественный или моральный), причиненный неправомерными действиями (бездействием) имущественным или неимущественным благам и правам граждан и юридических лиц, подлежит возмещению лицом, причинившим вред, в полном объеме. Лицо освобождается от возмещения, если докажет, что вред причинен не по его вине.

Применение генерального деликта требует установления четырех элементов правонарушения: 1) наступление вреда; 2) противоправность поведения; 3) причинно-следственная связь между поведением и вредом; 4) вина причинителя. В контексте ИИ доказывание этих элементов сталкивается с непреодолимым барьером – «проблемой черного ящика» (Black Box problem). Алгоритмы машинного обучения (Machine Learning) и глубокого обучения (Deep Learning) генерируют выводы на основе скрытых слоев нейросетей, вес и параметры которых непрерывно меняются в процессе обработки огромных массивов данных (Big Data).

Если банковский алгоритм (ИИ) на основе нерелевантных метрик отказывает в выдаче кредита, причиняя убытки, потерпевшему (истцу) в рамках статьи 917 ГК РК придется доказывать вину разработчика или банка. Разработчик, в свою очередь, может заявить, что алгоритм действовал автономно, и умысел или неосторожность в написании кода отсутствовали. Более того, установление прямой причинно-следственной связи между конкретной строкой исходного кода и конечным дискриминационным решением ИИ

технически невозможно без проведения сложнейших и дорогостоящих экспертиз. В результате генеральный деликт оказывается малоэффективным инструментом защиты прав граждан при столкновении со сложными виртуальными системами ИИ.

3. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности (статья 931 ГК РК)

Наиболее перспективным гражданско-правовым механизмом защиты потерпевших в Казахстане признается применение статьи 931 ГК РК, регулирующей ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Данная норма устанавливает режим строгой (безвиновной) ответственности: владельцы источников повышенной опасности обязаны возместить вред независимо от наличия их вины, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла самого потерпевшего.

Правоприменительная практика в Казахстане уже начала адаптировать эту норму к новым технологическим реалиям. Перечень, указанный в статье 931 ГК РК, является открытым. Сегодня к источникам повышенной опасности справедливо относят киберфизические системы: беспилотные транспортные средства, промышленные ИИ-роботы, тяжелые квадрокоптеры и агродроны. Так, в сельскохозяйственном секторе Восточно-Казахстанской области активно применяются БПЛА для мониторинга посевов и внесения удобрений. Если такой дрон, управляемый автономным алгоритмом, из-за сбоя в системе навигации обрушится на автомобиль или нанесет травму человеку, суд применит положения статьи 931 ГК РК.

В этом сценарии владельцу дрона (фермерскому хозяйству) не удастся избежать ответственности, сославшись на ошибку в коде или автономность ИИ, поскольку наличие вины для квалификации по статье 931 ГК РК не требуется. Обязанность возмещения возлагается на лицо, владеющее источником на праве собственности, праве хозяйственного ведения или ином законном основании. В дальнейшем владелец, возместивший ущерб, наделяется правом регрессного требования к производителю программного обеспечения в рамках общих положений об обязательствах, если сможет доказать дефект товара (алгоритма).

4. Риск-ориентированный подход и дифференциация ответственности

Революционным нововведением Закона РК об ИИ стало внедрение риск-ориентированной архитектуры регулирования, заимствованной из европейской практики. Статья 17 Закона подразделяет все системы искусственного интеллекта на категории минимального, среднего и высокого риска в зависимости от степени их воздействия на безопасность пользователей, общества и государства, а также от степени независимости в принятии решений. Кроме того, установлен перечень запрещенных функциональных возможностей.

С точки зрения цивилистики, данная классификация оказывает прямое влияние на установление стандарта должной осмотрительности (*duty of care*) в деликтных спорах. Эксплуатация систем высокого риска (*high-risk AI systems*), применяемых в критической инфраструктуре, государственном управлении, финансах и медицине, налагает на их владельцев презумпцию максимальной бдительности.

Законодатель предусмотрел механизм административной преюдиции для укрепления дисциплины в сфере ИИ. Поправки в Кодекс об административных правонарушениях (введение статьи 641-1 КоАП РК) устанавливают ответственность за несоблюдение требований Закона об ИИ. В частности, административным правонарушением признается невыполнение владельцами ИИ обязанности информировать пользователей о синтетическом характере контента (дипфейки, генеративные тексты), если это вводит в заблуждение, а также необеспечение управления рисками в системах высокого риска. Если подобное административное правонарушение повлекло за собой материальный ущерб или нарушение личных неимущественных прав, постановление о привлечении к административной ответственности становится преюдициальным доказательством противоправности действий лица в гражданском иске о возмещении вреда.

Обсуждение

Стремительное формирование нормативной базы в сфере искусственного интеллекта в Казахстане актуализирует ряд фундаментальных дискуссионных вопросов. Взаимодействие консервативных институтов Гражданского кодекса с новеллами цифрового права требует всестороннего анализа, опирающегося на глобальный контекст и доктринальные споры.

1. Концепция правосубъектности: доктринальные дебаты и выбор Казахстана

Проблема возмещения вреда, причиненного автономными алгоритмами, тесно связана с вопросом о правовом статусе ИИ. В отечественной и зарубежной юридической литературе

неоднократно поднимался вопрос о слабом нормативном регулировании ИИ на фоне его повсеместного внедрения. В частности, исследователь М.А. Мельничук отмечает, что разработки в сфере ИИ выявляют острый дефицит правового регулирования, порождая серьезные этические и правовые вызовы, требующие дополнения Гражданского кодекса специальными нормами об ответственности «интеллектуального разума» [4].

Ряд исследователей, опираясь на метод правового моделирования, предлагают имплементировать доктрину «электронного лица» (electronic personhood) – наделение алгоритмов гибридной правоспособностью. Авторы исследований, опубликованных в международных изданиях (например, АЖЕЕ), приходят к выводу, что признание за ИИ статуса «электронного лица» является необходимой базой для обеспечения алгоритмической подотчетности (algorithmic accountability) за автономно принимаемые решения. В рамках этой модели предполагалось создание обязательных страховых фондов, формируемых за счет отчислений разработчиков, из которых бы выплачивались компенсации пострадавшим без необходимости доказывания вины конкретного человека.

Тем не менее, Республика Казахстан в Законе 2025 года концептуально отвергла этот путь. Признание ИИ объектом и закрепление приоритета свободы воли человека (статьи 1 и 9) отражают прагматичный подход государства. Этот выбор имеет глубокие практические последствия для деликтного права. Наделение ИИ правосубъектностью неизбежно привело бы к размыванию ответственности: технологические гиганты и корпорации (разработчики) получили бы законный механизм избегания прямых исков, перекладывая вину на «непредсказуемый» алгоритм. Казахский законодатель, напротив, сохранил антропоцентричную модель: ответственность всегда персонифицирована и возлагается на человека или компанию-оператора, эксплуатирующую систему.

2. Сравнительно-правовой анализ: EU AI Act vs. Казахский подход

Модель регулирования ИИ в Казахстане, безусловно, инспирирована Европейским актом об искусственном интеллекте. Аналитики отмечают схожесть в базовых элементах: обе юрисдикции имплементировали категоризацию рисков и списки запрещенных практик. Однако детальный компаративистский анализ выявляет существенные дивергенции в целеполагании и архитектуре правоприменения, что напрямую влияет на защиту гражданских прав.

Во-первых, различие в приоритетах. Европейский регламент (EU AI Act) сфокусирован на защите фундаментальных прав и свобод граждан. Казахский закон, напротив, делает акцент на стимулировании цифровых инноваций и развитии экономики. Как следствие, казахстанский акт носит более рамочный характер, делегируя множество процедурных вопросов на уровень подзаконных актов и будущих регламентов, что временно создает правовую неопределенность в судебной практике.

Во-вторых, различие в полноте запретительных мер (blacklists). Исследователи констатируют, что в то время как европейское законодательство устанавливает исчерпывающие запреты на высокорисковые технологии (включая массовое биометрическое наблюдение в реальном времени и предиктивную полицию), казахстанский Закон об ИИ пока не содержит столь жестких ограничений в правоохранительной сфере. Отсутствие прямого запрета на предиктивную полицию или массовый биометрический профайлинг в Казахстане создает риски системной алгоритмической дискриминации. Если алгоритм ошибочно идентифицирует гражданина, что повлечет незаконное задержание или репутационный ущерб, потерпевшему будет крайне сложно взыскать компенсацию морального вреда (ст. 951 ГК РК), так как использование такого алгоритма формально не признано незаконным на уровне базового Закона.

В-третьих, институциональный дизайн. Европейская модель предполагает создание независимых надзорных органов (AI Office, национальные регуляторы). Казахстан внедрил модель централизованного государственного управления через профильное Министерство и Оператора национальной платформы. В рамках судебных разбирательств о возмещении вреда это создает определенный дисбаланс: в РК отсутствует независимый институт, способный проводить непредвзятую экспертизу алгоритмов по запросу суда (особенно если ответчиком выступает структура, аффилированная с государством). В доктрине обоснованно предлагается закрепить требование об обязательной независимой экспертной оценке для любых систем ИИ, классифицируемых как высокорисковые.

3. Проблема алгоритмической подотчетности и конфиденциальности данных

Статья 4 Закона РК об ИИ провозглашает принципы прозрачности, объяснимости, ответственности и подконтрольности. В контексте деликтного права это требует внедрения механизма «алгоритмической подотчетности» (algorithmic accountability) для разработчиков и операторов платформ. Суть проблемы заключается в том, что потерпевший объективно лишен возможности предоставить доказательства дефекта ИИ (сбоя в исходном коде или обучающей выборке).

Следовательно, в правоприменительную практику Казахстана необходимо внедрить презумпцию алгоритмической вины оператора: если ИИ-система причинила вред, оператор признается виновным, пока не предоставит суду развернутые логи (журналы событий) и доказательства того, что модель была обучена на репрезентативных данных без внутренних искажений (bias). Без принципа Explainable AI (объяснимого ИИ) право на судебную защиту в цифровой среде становится иллюзорным.

Тесно переплетается с вопросами ИИ и проблема защиты персональных данных. Параллельно с Законом об ИИ были приняты поправки в Закон «О персональных данных и их защите» [5]. Нейронные сети обучаются на колоссальных массивах информации (Big Data). Несанкционированный парсинг (сбор) биометрических или личных данных граждан для обучения ИИ образует самостоятельный состав правонарушения. Вред, причиненный незаконным использованием данных, подлежит компенсации по правилам генерального деликта, при этом факт незаконного парсинга автоматически устанавливает противоправность деяния.

4. Ответственность Оператора Национальной платформы и страхование

Уникальной чертой казахстанского законодательства является создание Национальной платформы искусственного интеллекта и библиотек данных (Глава 5, статьи 25-27). Государство предоставляет бизнесу доступ к суперкомпьютеру и государственным дата-сетам, выступая драйвером рынка. Данная модель государственно-частного партнерства рождает беспрецедентную правовую коллизию в сфере ответственности.

Если частная ИИ-компания обучает свой алгоритм на базе данных, предоставленной Национальной платформой, и впоследствии этот алгоритм причиняет ущерб (например, из-за изначальной некорректности или искаженности предоставленных государственных данных), кто является надлежащим ответчиком? Теоретически, разработчик может привлечь Оператора платформы (государственную или квазигосударственную структуру) в качестве соответчика, ссылаясь на статью 922 ГК РК (Ответственность за вред, причиненный государственными органами). Для минимизации таких макроэкономических рисков исследователи обоснованно призывают запретить обмен базами данных, содержащими государственные секреты, через подобные платформы ИИ.

Наконец, ключевым элементом экосистемы возмещения вреда должно стать страхование. Как указывают эксперты (в частности, аналитика Legal500), страхование ответственности за вред, причиненный системами ИИ, осуществляется в соответствии с законодательством РК. Учитывая отнесение киберфизических систем (БПЛА, роботы) к источникам повышенной опасности, государству целесообразно разработать механизм обязательного страхования гражданско-правовой ответственности владельцев высокорисковых систем ИИ – по аналогии с ОГПО владельцев транспортных средств. Для разработчиков виртуальных систем высокого риска необходимо внедрение институтов профессионального страхования (E&O – Errors and Omissions insurance).

Заключение

Проведенное сравнительно-правовое и теоретическое исследование позволяет констатировать, что Республика Казахстан, приняв в ноябре 2025 года Закон «Об искусственном интеллекте», совершила мощный рывок в формировании цифровой правовой среды. Заимствовав риск-ориентированную парадигму регулирования у Европейского Союза, казахстанский законодатель адаптировал ее под задачи форсированного развития национальной ИИ-инфраструктуры, закрепив приоритет человека над машиной и отказавшись от дискуссионной концепции наделения алгоритмов правосубъектностью.

Тем не менее, архитектура гражданско-правовых механизмов возмещения вреда, причиненного с применением технологий ИИ, нуждается в системной модернизации. Бланкетная отсылка Закона к общему гражданскому законодательству обнажает неспособность традиционных конструкций виновной ответственности (статья 917 ГК РК) эффективно справляться с вызовами алгоритмической непрозрачности («черного ящика»). Применение

статьи 931 ГК РК (источник повышенной опасности) частично решает проблему, но ограничивается преимущественно киберфизическими устройствами, оставляя виртуальные алгоритмические системы высокого риска в зоне правовой турбулентности.

Для обеспечения справедливого баланса между стимулированием технологического прогресса и защитой фундаментальных прав граждан, а также для эффективной реализации принципов алгоритмической подотчетности, представляется необходимым:

Модернизация Гражданского кодекса РК: Дополнить Главу 47 Особенной части ГК РК специальной нормой, регламентирующей ответственность за вред, причиненный функционированием систем искусственного интеллекта высокого риска. В данной норме следует закрепить презумпцию алгоритмической вины разработчика (оператора), которая может быть опровергнута лишь при условии предоставления суду исчерпывающих лог-файлов и доказательств независимого аудита архитектуры нейросети.

Внедрение обязательного страхования: Разработать и принять профильный закон об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности владельцев и операторов систем искусственного интеллекта, отнесенных к категории высокого риска (согласно статье 17 Закона об ИИ), что гарантирует имущественные интересы потерпевших в случаях банкротства технологических стартапов.

Усиление стандартов доказывания: Разработать Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан о практике рассмотрения споров, связанных с использованием ИИ, в котором определить статус синтетических доказательств и закрепить механизм использования административной преюдиции (по статье 641-1 КоАП РК) для упрощения процесса доказывания противоправности действий операторов ИИ.

Расширение запрещенных практик: С учетом европейского опыта (EU AI Act) и в целях защиты конституционных прав граждан рассмотреть возможность внесения дополнений в статью 17 Закона РК об ИИ, установив прямой запрет на использование неконтролируемых систем алгоритмического правосудия, предиктивной полиции и массового биометрического наблюдения, что превентивно минимизирует риски причинения морального вреда.

Имплементация данных предложений позволит трансформировать казахстанскую модель правового регулирования ИИ из преимущественно инфраструктурной в сбалансированную социально-ориентированную систему, обеспечивающую высокий уровень доверия общества к цифровым инновациям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Мельничук М. А. On civil legal liabilities of artificial intelligence (К вопросу о гражданско-правовой ответственности) [Электронный ресурс] // Global Economy and Finance Journal. – URL: <https://giefjournal.ru/sites/default/files/011.%20M.A.%20Mel%E2%80%99nichuk.pdf>.
- 2 Bridging the Gap: Accountability and Risk-Based Regulation in Kazakhstan's Artificial Intelligence Legislation [Электронный ресурс] // Access to Justice in Eastern Europe (AJEE Journal). – URL: <https://ajee-journal.com/bridging-the-gap-accountability-and-risk-based-regulation-in-kazakhstan-s-artificial-intelligence-legislation>.
- 3 Kabyshev Y. Kazakhstan's AI Law: What It Will Change [Электронный ресурс] // Digital Rights Asia. – URL: https://digitalrights.asia/media/kazakhstan-ai-law-expert-opinion-changes/?lang_ui=en.
- 4 Kazakhstan's New AI Regulatory Framework [Электронный ресурс] // International Center for Not-for-Profit Law (ICNL). – URL: <https://www.icnl.org/wp-content/uploads/Kazakhstans-New-AI-Regulatory-Framework.pdf>.
- 5 Legal regulation of personal data in the context of artificial intelligence development: foreign experience and challenges for Kazakhstan [Электронный ресурс] // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. – URL: <https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/article/view/1772>.

REFERENCES

- 1 Melnichuk M.A. On civil legal liabilities of artificial intelligence (K voprosu o grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti) [Elektronnyy resurs] // Global Economy and Finance Journal. – URL: <https://giefjournal.ru/sites/default/files/011.%20M.A.%20Mel%E2%80%99nichuk.pdf> [in Russian].

2 Bridging the Gap: Accountability and Risk-Based Regulation in Kazakhstan's Artificial Intelligence Legislation [Electronic resource] // Access to Justice in Eastern Europe (AJEE Journal). – URL: <https://ajee-journal.com/bridging-the-gap-accountability-and-risk-based-regulation-in-kazakhstan-s-artificial-intelligence-legislation>.

3 Kabyshev Y. Kazakhstan's AI Law: What It Will Change [Electronic resource] // Digital Rights Asia. – URL: https://digitalrights.asia/media/kazakhstan-ai-law-expert-opinion-changes/?lang_ui=en.

4 Kazakhstan's New AI Regulatory Framework [Electronic resource] // International Center for Not-for-Profit Law (ICNL). – URL: <https://www.icnl.org/wp-content/uploads/Kazakhstans-New-AI-Regulatory-Framework.pdf>.

5 Legal regulation of personal data in the context of artificial intelligence development: foreign experience and challenges for Kazakhstan [Elektronnyy resurs] // Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoy informatsii RK. – URL: <https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/article/view/1772> [in Russian].

А.А. Елеуов¹, Г.Б. Телеуев¹

¹Инновационный Евразийский университет, Қазақстан

Жасанды интеллект технологияларын қолдану арқылы келтірілген зиянды өтеудің азаматтық-құқықтық механизмдері: салыстырмалы-құқықтық зерттеу

Қазақстан Республикасында жасанды интеллект (ЖИ) технологияларын жедел енгізу деликтілік құқықтың классикалық институттарының тиімсіздігі мәселесін айқындады. «Жасанды интеллект туралы» жаңа ҚР Заңының бланкеттік нормалары Азаматтық кодекске сілтеме жасайды, ал ол концептуалды түрде алгоритмдік көмескілік ерекшелігіне бейімделмеген.

Қазақстанда ЖИ келтірген зиянды өтеудің азаматтық-құқықтық механизмдерін кешенді талдау, еуропалық тәжірибемен салыстырмалы талдау негізінде нормативтік олқылықтарды анықтау және ұлттық заңнаманы жаңғырту бойынша ұсыныстар әзірлеу.

Жұмыста формальды-догматикалық (ҚР АҚ және ЖИ туралы Заң нормаларын талдау), салыстырмалы-құқықтық (EU AI Акт-пен салыстыру) әдістері, сондай-ақ алгоритмдік зиян келтірудің гипотетикалық сценарийлерін құқықтық модельдеу әдісі қолданылды.

Қазақстанның ЖИ-ге қатысты инструменталдық тәсілді бекіткені анықталды. Виртуалды алгоритмдер үшін бас деликтің (ҚР АҚ 917-бабы) тиімділігінің төмендігі және жоғары қауіптілік көзі туралы норманы (ҚР АҚ 931-бабы) тек киберфизикалық жүйелермен ғана шектеулі қолдану дәлелденді. Алгоритмдердің тәуелсіз аудитінің жоқтығынан және тыйым салынған тәжірибелер тізбесінің тарлығынан жүйелік дискриминация тәуекелдері анықталды.

Тәжірибелік құндылығы ҚР АҚ-не тәуекелі жоғары ЖИ жүйелерін әзірлеушілердің алгоритмдік кінәсі презумпциясын енгізу қажеттілігін негіздеуде жатыр. Ұсынылған міндетті сақтандыру және әкімшілік преюдицияны пайдалану механизмдері цифрлық инновацияларды ынталандыру мен азаматтардың құқықтарын қорғау арасындағы теңгерімді қамтамасыз етеді.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект, азаматтық құқық, зиянды өтеу, деликтілік жауаптылық, жоғары қауіптілік көзі, Жасанды интеллект туралы заң, салыстырмалы-құқықтық зерттеу, алгоритмдік есептілік, Қазақстан заңнамасы, EU AI Act.

A.A. Eleuov¹, G.B. Teleuyev¹

¹Innovative University of Eurasia, Kazakhstan

Civil Law Mechanisms for Compensating Damage Caused by the Use of Artificial Intelligence Technologies: A Comparative Legal Study

The rapid introduction of artificial intelligence (AI) technologies in the Republic of Kazakhstan has exposed the inefficiency of classical tort law institutions. The blanket norms of the new Law of the Republic of Kazakhstan "On Artificial Intelligence" refer to the Civil Code, which is conceptually not adapted to the specifics of algorithmic opacity.

A comprehensive analysis of the civil law mechanisms for compensating damage caused by AI in Kazakhstan, identification of regulatory gaps, and development of proposals for modernizing national legislation based on a comparative analysis with European experience.

The paper applies formal-dogmatic (analysis of the norms of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan and the Law on AI) and comparative-legal (comparison with the EU AI Act) methods, as well as the method of legal modeling of hypothetical scenarios of causing algorithmic harm.

It has been established that Kazakhstan has consolidated an instrumental approach to AI. The low efficiency of the general tort (Article 917 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan) for virtual algorithms and the limited application of the norm on a source of extreme danger (Article 931 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan) exclusively to cyber-physical systems are proven. The risks of systemic discrimination due to the lack of independent audits of algorithms and a narrow list of prohibited practices are identified.

The practical value lies in substantiating the need to introduce the presumption of algorithmic guilt of developers of high-risk AI systems into the Civil Code of the Republic of Kazakhstan. The proposed mechanisms of mandatory insurance and the use of administrative prejudice will ensure a balance between stimulating digital innovations and protecting citizens' rights.

Keywords: artificial intelligence, civil law, compensation for damage, tort liability, source of extreme danger, Law on Artificial Intelligence, comparative legal study, algorithmic accountability, legislation of Kazakhstan, EU AI Act.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.05.2026 г.